

*Гусейнова Р.Г., к.филол.н., доцент
Азербайджанский медицинский университет,
Азербайджан, Баку*

**Диахронический анализ настоящего и будущего времен в
алтайских языках**

Diachronic analysis of present and future tenses in Altaic languages

Аннотация: В рамках данного исследования анализируются грамматические формы настоящего и будущего времени глагольных форм в алтайских языках. Исследования проводятся в диахроническом аспекте, что является актуальной для современной тюркологии. В тюркологических исследованиях тема глагольной времени и его эволюция изучен не полностью, так как информация о данной теме встречается малыми отрывками в разных научно-исследовательских трудах. В данной статье глагольные формы настоящего и будущего времени в алтайских языках рассматриваются и анализируются в контексте общетюркских языков, сравниваются общие и отличительные черты временных маркеров. Для этого в ходе исследования были применены такие лингвистические методы, как типолого-сравнительный и историко-сравнительный методы. Подводя итоги в конце исследования отмечается, что в древнетюркских языках показатели настоящего и будущего времени были схожи, но имели семантические оттенки относительно к контексту.

Ключевые слова: настоящее время, будущее время, диахронический анализ, алтайские языки, тюркские языки, тюркология.

Abstract: In the framework of this study, grammatical forms of the present and future tenses of verb forms in Altai languages are analyzed. Research is carried out in a diachronic aspect, which is relevant for modern Turkology. In Turkological studies, the topic of verb tense and its evolution is not fully understood, since information on this topic is found in small passages in various scientific works. In this article, the verb forms of the present and future tenses in the Altai languages are considered and analyzed in the context of the common Turkic languages, the general and distinctive features of temporary markers are compared. For this, during the study, such linguistic methods as typological-comparative and historical-comparative methods were applied. Summing up at the end of the study, it is noted that in the ancient Turkic languages the indicators of the present and future tense were similar, but had semantic connotations relative to the context.

Key words: present tense, future tense, diachronic analysis, Altaic languages, Turkic languages, Turkology.

В алтайских языках расширенная система глагольной формы наблюдается даже в письменных памятниках. Почти все глагольные формы возникли в период после первого и вторичной номинации движения, и сохраняют свои первичные свойства до наших дней [5, с. 69-73]. Предположения И.В. Кормушина в определенной мере совпадают с мыслями Щербака. И.В.Кормушин отмечает, что, если генетическая целостность имен и глаголов в алтайских языках относится к более раннему периоду, показатели различных функциональных категорий в глаголе относятся к более позднему периоду эволюции языков [3, с. 6]. М.А.Баскаков приписывает такие формы существительных функциональным формам глагола [1, с. 66-71].

Отношение В.Г.Гузева к временной категории тоже вызывает интерес. Он пишет: «Если грамматическое время является лингвистическим и грамматическим образом настоящего времени, то есть грамматическим настоящим временем, то тот или иной тип хронологической связи действия с грамматическим настоящим временем, то та или иная форма хронологической связи действия с грамматическим настоящим временем отражается в значении любого глагольного времени (если таковы существуют в языке). Множество форм времени — это категория времени, основанная на близости их значений (из-за наличия общего содержания в каждой из них — хронологической связи с настоящим временем) [2, с. 68].

Анализируя возникновение и развитие временных форм в алтайских языках, следует отметить, что разнообразие ранних дейктических показателей можно увидеть в раннем периоде эволюции языка. Таким образом, во многих формах времени в тюркских языках есть следы местоимений в парадигме склонения глаголов [3, с. 9].

В большинстве алтайских языков система времени является трехмерной, и организация времени в целом основана на моменте речи, что является центральной точкой. Соответственно, в речевом акте относительно этой точки, как правило, подчеркиваются прошедшее, настоящее и будущее время... Замечено, что в памятниках древнетюркской письменности можно встретить все грамматические временные формы глаголов. Однако «язык памятников и оттенки значения, выраженные временами глаголов в современных тюркских языках, иногда могут не совпадать друг с другом» [6, с. 556].

В тюркских языках древняя форма настоящего времени маркируется таким показателем, как аффикс -а. Б.А.Серебрянников и Н.З.Гаджиева рассматривают этот аффикс как «древний словообразующий аффикс, выражающий многократное или непрерывное действие» [4, с. 156], то есть основная функция этого аффикса была лексического характера. И. А. Кормушин рассматривает нулевые формы, которые впоследствии образовали формы -а / -у / -и, как древнюю форму настоящего времени. «Глаголы, используемые в языке древнетюркских письменных памятников в настоящем временной форме глагола, в дополнение к настоящему времени действия, также выражают постоянное действие» [6, с. 562]. В огузских языках, на

некоторых диалектах древнеосманского тюркского языка можно найти следы формы -а, например: ст.-осм. *verveven* «я даю», *alasin* «бери», *umavuz* «мы надеемся».

Другой формой настоящего времени, как и будущего времени, является форма прилагательного *ar* / -эр / -ыр / -ир. Значение этого глагола является более модальным, выражая ситуацию и особенность предмета [4, с. 159].

Следует отметить, что в большинстве тюркских языков эта форма отражает значение будущего времени, однако она используется в функции настоящего времени. Интересен тот факт, что в XV-XVI веках в памятниках древнего Азербайджана был отмечен грамматический показатель настоящего времени, отмеченный Б. А. Серебренниковым и Н. З. Гаджиевой [4, с. 92]. Этот факт можно увидеть на тюркских диалектах, современном азербайджанском языке, а также на древнем кумыкском и южно-каракалпакском диалектах.

Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева предполагают, что -у существовал в тюркских языках как особый показатель настоящего времени и сочетался с -а или -1 настоящего времени. Интересно, что этот суффикс совпадает с нынешним индо-европейским суффиксом, который отмечался в древнегреческом и готском языках.

Дейктические индикаторы основаны на появлении древних и общетюркских форм времени, которые впоследствии стали маркерами временной формы глагола. Другая форма времени, сформированная в период древнетюркского языка -ar / -ур, является аналитической формой глагола настоящего времени + er — вспомогательного глагола, основанного на схеме форм прошедшего времени. Данная форма используется для передачи значения прошедшего непрерывного времени, соответствующего любому определенному моменту прошедшего времени.

В турецком языке формы будущего времени имели более яркую модальную ориентацию. Эти формы семантически близки к формам настоящего времени. А.М. Щербак отмечает, что формы будущего времени многочисленны и отличаются друг от друга модальными оттенками. Он приводит пример с уйгурского языка и показывает, что могут быть выдвинуты две формы будущего времени [5, с. 73]. «На языке памятников глаголы, выражающие будущее время, редко используются в форме *verbum finitum* (законченный глагол), в большинстве случаев они действуют как прилагательные и во многих случаях служат для формирования сложных временных форм глагола» [6, с. 564].

Следует отметить, что, за исключением чувашского языка, суффиксы будущего времени в большинстве тюркских языков -ir / -ар. Суффикс -ar считается более древним. Он основан на общетюркской форме аориста и рассматривается многими исследователями как форма *aorist-futurum* или форма настоящего времени. Например, в древнем кыпчакском языке суффикс -ar отражает значение настоящего и будущего времен.

В огузских языках грамматическое будущее время характеризуется формой *açak* / -асак, которая широко распространена во многих языках

южного региона, таких как узбекский. В отличие от других языков, в тувинском, хакасском и шорском языках, форма -аг семантически указывает на приблизительное будущее время.

Таким образом, система времени в тюркских языках представлена абсолютными и относительными измерениями времени, их формирование возникло в древние времена и имеет некоторые общие черты с формами времени в древних индоевропейских языках. Некоторые формы времени имеют оттенки модальности и тесно связаны с категорией видов.

Временная система общетунгусо-маньчжурских языков воплощается в противостоянии форм перфекта и презенса. В общетунгусо-маньчжурском изложении И.Б. Кормушин отмечает индикаторы времени как нулевые морфемы и показывает, что маркеры времени «образуются в результате противостояния нулевых претеритных форм и все еще не прошедшего времени» [3, с. 54]. Рассматривая развитие форм настоящего в тунгусо-маньчжурском языке, автор отмечает, что «дальнейшее развитие системы форм настоящего происходит в рамках единой парадигмы интеграции индикаторов морфологического типа: некоторые показатели (-са, -да) являются непродуктивными, образуя подкласс неправильных глаголов во многих языках; Более производительные показатели представляют собой комбинированную систему нулевых и -га показателей [3, с. 55].

Таким образом, возникновение алтайской, а также индоевропейской системы времени происходит путем повторного восприятия дейктичных показателей системы времени глаголов.

Наиболее часто используемые формы в тюркских языках — формы -а и -г. Первая форма служит для определения настоящего времени, а вторая форма используется для обозначения события, которое происходит как в настоящем, так и в будущем. Однако следует отметить, что в тюркских языках формы времени похожи на некоторые формы грамматической времени в древних индоевропейских языках.

Библиографический список:

1. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и её изучение. Москва: Наука, 1981. 135 с
2. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. Ленинград, 1990, 168 с.
3. Кормушин И. В. Системы времён глагола в алтайских языках. Москва: Наука, 1984. 85 с.
4. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Москва: Наука, 1986. 301 с.
5. Щербак А.М. Очерки сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Ленинград: Наука, 1981. 183 с.
6. Rəcəbli Ə. Qədim türk yazısı abidələrinin dili. I., Bakı, Nurlan, 2006, 648 s. (на азербайджанском языке)